

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

Б. Н. Комиссаров

РАННИЕ ГОДЫ Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

(К истории первого петербургского периода жизни)

Автор последней и весьма удачной биографической книги о Н. Н. Миклухо-Маклае Б. Н. Путилов справедливо писал: «Выдающийся путешественник и ученый... принадлежит к числу тех деятелей науки и культуры, о которых нам важно и интересно знать как можно больше и как можно точнее»¹. В настоящее время в связи с подготовкой нового академического издания собрания сочинений Н. Н. Миклухо-Маклая архивные разыскания о нем представляются особенно своевременными.

Разные периоды жизни и деятельности ученого освещены в литературе далеко не с одинаковой степенью полноты и точности. Наименее изученными оказались, в частности, годы отрочества и юности, прошедшие в Петербурге. Первым значительным событием тех лет стало поступление Миклухо-Маклая в «Училище с программой гимназий при лютеранской церкви св. Анны». Принято считать, что это произошло в 1857 г.² Между тем в «Материалах для биографии Н. Н. Миклухо-Маклая», опубликованных в «Шукинском сборнике», упоминается, что «в школу св. Анны» его определили «по смерти отца»³, а Н. И. Миклуха скончался в декабре 1857 г. Действительно, в документах училища св. Анны, помеченных 1857 г., никаких упоминаний о Николае Миклухе нет, а в «Книге счетов» 1858 г. находим запись о внесении за его обучение 61 руб. 20 коп.⁴ Будущий путешественник был принят в 3-й класс училища, преподавание в котором велось на немецком языке, «хорошо занимался, но очень шалил»⁵.

Летом 1859 г. Миклухо-Маклай под руководством студента Петербургского университета В. В. Миклашевского подготовился к поступлению в 4-й класс Второй Петербургской гимназии и 4 августа был принят. В «Списке пансионеров, полупансионеров и приходящих учеников 1859 г.», сохранившемся в фонде этого учебного заведения, под № 82 значится Миклуха Николай⁶. Это первое упоминание о нем в докумен-

¹ Путилов Б. Н. Николай Николаевич Миклухо-Маклай. Страницы биографии. М.: Наука, 1981, с. 5.

² Н. Н. Миклухо-Маклай. Важнейшие биографические даты. — В кн.: Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч. Т. I. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1950, с. XI.

³ Шукинский сборник. В. 10. М., 1912, с. 203.

⁴ Ленинградский государственный исторический архив (далее — ЛГИА), ф. 306, оп. 1, д. 58, л. 45 об. Таким образом, в биографии Н. Н. Миклухо-Маклая, составленной по материалам его брата Михаила Николаевича его племянником Д. С. Миклухо-Маклаем в феврале 1938 г., ошибочно указано, что «отец отдал их (Сергея и Николая. — Б. К-) в Немецкую Анненскую школу». Архив Географического общества СССР (далее — АГО), ф. 6, оп. 4, № 3, л. 13.

⁵ Шукинский сборник, с. 203. Рассказывая о первом петербургском периоде жизни Н. Н. Миклухо-Маклая, мы следуя документам тех лет, будем в ряде случаев называть его Миклуха, так как он носил тогда фамилию своего отца — Н. И. Миклухи. Двойная фамилия появляется позже, вероятно, в середине 60-х годов прошлого века, когда путешественник учился в университетах Германии. Эту фамилию носили впоследствии и некоторые его родственники.

⁶ ЛГИА, ф. 174, оп. 1, д. 2380, л. 2 об.

тах Второй гимназии. Однако датой поступления ошибочно считается 1858 г.⁷ Гимназия находилась на Большой Мещанской улице (угол Большой Мещанской и Демидова переулка), а в начале той же улицы, в доме № 2, принадлежавшем Глазунову и расположенном напротив Казанского собора, снимала квартиру Е. С. Миклуха с детьми⁸.

Гимназические годы были для Н. Н. Миклухо-Маклая временем трудным. «В гимназии плохо учился и даже избегал ходить в классы,— читаем в „Шукинском сборнике“,— хотел поступать в Ак[адемию] Худ[ожеств], но по просьбе матери, никогда не стеснявшей свободу его, отложил это намерение на некоторое время»⁹. «Полупансионеру» Миклухе не нравилось в гимназии. Прежде всего не нравился, очевидно, царивший там казенный дух. «Жандармские шпоры и окрики гулко раздавались и в обширных коридорах 2 С.-Петербургской гимназии, где протекали ученические годы Миклухо-Маклая»,— справедливо писал А. Г. Грум-Гржимайло¹⁰. Гимназические годы юного Миклухи осложняла не только эта неприятная и чуждая ему обстановка, но и почти постоянное недомогание. Болезни, особенно частые простуды, были следствием сильнейшей «лихорадки», перенесенной им еще в трехлетнем возрасте¹¹.

4-й класс растянулся на два года (1859/60—1860/61 гг.). В 1859/1860 учебном году Миклухо-Маклай, вероятно, из-за болезни совсем не посещал гимназии, так как никаких сведений о нем в соответствующей «Книге об успехах и поведении учеников» не встречается; в 1860/1861 учебном году бывал на занятиях только в сентябре, октябре, феврале и марте, но и за эти месяцы пропустил 414 уроков. В итоге у него было «хорошо» по французскому языку, «удовлетворительно» по немецкому языку и естественной истории, а остальные отметки — «худо» и «посредственно» (что соответствует современному «плохо») ¹². В «Книге об успехах...» за 1861/1862 учебный год Миклухо-Маклай числился сначала еще в 4-м классе, но затем его фамилия была вычеркнута ¹³: выдержав осеннюю переэкзаменовку, он был переведен в 5-й класс.

Сохранилась относящаяся к 1861 г. рукопись Миклухо-Маклая: тетрадь с записями латинских слов и их переводом на русский язык. Встречаются в ней и записи, озаглавленные «Грамматические заметки». Эта тетрадь, а также другая, под заголовком «Обзор истории Греции» (без даты), находятся в небольшом и, к сожалению, довольно бедном фонде Н. И. Миклухи ¹⁴.

Осенью 1861 г., как известно, в Петербурге начались студенческие выступления ¹⁵. 2 октября вместе с группой соучеников, среди которых был и его старший брат Сергей, Николай Миклуха принял участие в сходке, состоявшейся у закрытого властями университета, был арестован и до 5 октября находился в Петропавловской (тогда Санкт-Петербургской) крепости.

Дореволюционные биографы Н. Н. Миклухо-Маклая, а также наиболее глубокий знаток его жизни акад. Д. Н. Анучин никогда не упоминали об этом эпизоде ¹⁶. Сведения о месте и времени заключения гимна-

⁷ Н. Н. Миклухо-Маклай. Важнейшие биографические даты, с. XI.

⁸ Центральный государственный исторический архив СССР (далее — ЦГИА), ф. 1405, оп. 69, д. 6631, л. 181. Большая Мещанская улица в последней трети XIX в. была переименована в Казанскую, а та в 1923 г.— в улицу Плеханова; Демидов переулок переименован в переулок Гривцова.

⁹ Шукинский сборник, с. 204.

¹⁰ Грум-Гржимайло А. Г. Н. Н. Миклухо-Маклай на фоне современной ему эпохи (путешествия, труды, Русское географическое общество и печать в 1869—1888 гг.).— Изв. ВГО, т. 71, 1939, в. 1—2, с. 158.

¹¹ Шукинский сборник, с. 203.

¹² ЛГИА, ф. 174, оп. 1, д. 2448, л. 44.

¹³ Там же, д. 2509, л. 47.

¹⁴ ЛГИА, ф. 2104, оп. 1, л. 1—68.

¹⁵ См. История Ленинградского университета. Очерки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968, с. 70—76.

¹⁶ См. Гр[уздев], Ф[абс]т. Н. Н. Миклухо-Маклай. Биографический очерк.— Природа и люди, 1894, № 38, с. 597—598; № 39, с. 613—616; № 40, с. 633—636; № 41, с. 650—652; их же. Н. Н. Миклухо-Маклай (к десятилетию кончины).— Природа и люди, 1898, № 29, с. 467—469; Знаменитый русский путешественник Н. Н. Миклухо-

зиста Миклухи, причем точные, основанные на архивных документах, были впервые опубликованы в 1928 г.¹⁷ В 1939 г. об этом упомянул А. Г. Грум-Гржимайло¹⁸, однако А. Минаков в статье, опубликованной в том же номере «Известий ВГО», изложил события тех дней весьма неточно. В его изложении, «мать нашла сыновей в одном из полицейских участков», и «ей стоило большого труда вызволить их оттуда так, чтобы об этом не узнало гимназическое начальство»¹⁹. Источником ошибки послужили некритически использованные А. Минаковым воспоминания приемного сына матери Николая Николаевича — М. Н. Миклухо-Маклая (он был полным тезкой родного брата путешественника — Михаила), утверждавшего, в частности, что благодаря Екатерине Семеновне инцидент с братьями Миклуха был исчерпан уже «на следующее утро»²⁰. Затем история заключения Миклухо-Маклая в Петропавловскую крепость была надолго забыта. В биографическом, очерке, помещенном в последнем издании собрания сочинений путешественника, говорится только об аресте, а последовавшее за ним заключение в крепость не упоминается²¹.

В 1970 г. появилась заметка В. О. Турецкого, в которой сообщалось, что год назад ленинградский историк А. Г. Петров нашел материалы о заключении Миклухо-Маклая с 2 по 5 октября 1861 г. в Петропавловскую крепость²². Таким образом, более чем через 40 лет этот факт был установлен вновь. Любопытно, что в том же 1970 г. Б. А. Вальская относил это событие, как, впрочем, и «уличное выступление студентов Петербургского университета», к 1863 г., а Н. А. Бутинов спустя год отметил факт ареста, но глухо, без каких-либо дат²³. Изучение архивных документов позволяет более подробно осветить события.

Студенческие волнения начались утром 25 сентября. Полутораты-сячная демонстрация прошла от университета по Невскому проспекту до дома попечителя Петербургского учебного округа генерала Г. И. Филипсона на Колокольной улице и обратно. Демонстрантов сопровождали войска. Раздавались возгласы: «Войска идут!», «Насилие!», «Подлое правительство, хотят кровопролития!»²⁴. В ночь на 26 сентября начались аресты. 27 сентября во дворе университета состоялась сходка, в которой приняли участие около 700 человек. Собравшиеся требовали освобождения арестованных, но были окружены солдатами Финляндского полка и под угрозой применения силы разошлись. 29, 30 сен-

Маклай. Его жизнь и деятельность. М., 1908; *Гольцева Н. А.* Труды и подвиги Миклухо-Маклая. М., 1910; *Пресс А.* Миклухо-Маклай (по поводу 25-летия со дня его кончины). — Нива, 1913, № 16, с. 314—319, № 17, с. 333—335; *Янчук Н. А.* Николай Николаевич Миклухо-Маклай и его ученые труды. К 25-летию его кончины (1846—1888). СПб., 1913; *Короткова Е.* Замечательный русский путешественник, друг диких Н. Н. Миклухо-Маклай. М., 1915; *Анучин Д.* Десятилетие со дня кончины Н. Н. Миклухо-Маклая. — Землеведение, 1898, кн. I—II, с. 222—229; *его же.* Н. Н. Миклухо-Маклай. Его жизнь, путешествия и судьба его трудов. — Землеведение, 1922, кн. III—IV. М. — Пг., 1923, с. 3—80; *его же.* Н. Н. Миклухо-Маклай, его жизнь и путешествия. — В кн.: *Миклухо-Маклай Н. Н.* Путешествия. Т. I. М., 1923.

¹⁷ Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь. Т. I, ч. 2/Составители Шиллов А. А., Карнаухова М. Г. М., 1928, с. 243.

¹⁸ *Грум-Гржимайло А. Г.* Указ. раб., с. 158.

¹⁹ *Минаков А.* Жизнь и деятельность Н. Н. Миклухо-Маклая. — Изв. ВГО, т. 71., 1939, вып. 1—2, с. 16—17.

²⁰ АГО, ф. 6, оп. 4, № 3, л. 7. В марте 1938 г. автор воспоминаний писал акад. И. Ю. Крачковскому, что они основаны на рассказах Николая Николаевича, слышанных им в 1887 г. «Эти рассказы, — прибавлял он ниже, — мне дополнила в дальнейшем его мать, так что все они слились в одну цепь воспоминаний, в которых уже утеряна граница рассказов его и его матери» (там же, л. 6 об.).

²¹ *Бутинов Н. А.* Н. Н. Миклухо-Маклай (биографический очерк). — В кн.: *Миклухо-Маклай Н. Н.* Собр. соч. Т. IV. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1953, с. 482.

²² *Турецкий В.* К биографии Н. Н. Миклухо-Маклая. — Изв. ВГО, т. 102, 1970, вып. 4, с. 397—398.

²³ *Вальская Б. А.* Проект Н. Н. Миклухо-Маклая о создании на островах Тихого океана русской вольной колонии. — В кн.: Австралия и Океания (история и современность). М.: Наука, 1970, с. 36; *Бутинов Н. А.* Н. Н. Миклухо-Маклай — великий ученый-гуманист (к 100-летию его первой экспедиции на Новую Гвинею). Л.: Наука, 1971, с. 3.

²⁴ ЦГИА, ф. 405, оп. 59, д. 6631, л. 79 об., 122.

тября и 1 октября аресты продолжались. «Во время пребывания Н[иколая] Николаевича в 6-м классе (ошибка: в 5-м классе.— Б. К-) в СПб. Университете возникли беспорядки, братья, извещенные старшими товарищами, участвовали в них»,— писал о Сергее и Николае их младший брат Михаил²⁵. За «участие в толпе, собравшейся 2-го октября около Университета и не захотевшей разойтись по требованию полицейского начальства»²⁶, кроме братьев Миклуха из гимназистов были арестованы ученики второй гимназии Н. М. Карамышев и Р. А. Карпов. Среди вещей, отобранных у гимназистов при аресте, упоминается только портмоне Николая Миклухи²⁷.

Ко 2 октября в крепости было уже много студентов, и братья Миклуха с товарищами были заключены в казармы Кронверкской куртины, охранявшейся 3-й ротой лейб.-гвардии Павловского полка и сменявшей ее через сутки ротой е. и. в. Наплыв арестованных²⁸ привел даже к нехватке плац-адъютантов, и комендант крепости генерал-лейтенант А. Ф. Сорокин передал доставленных 2 октября в ведение плац-майора полковника П. П. Кандаурова. «Я вынужденным нахожусь,— писал ему комендант 3 октября с пометой „весьма секретно“,— просить Вас принять в Ваше заведование впредь до распоряжения арестованных разных званий, помещенных для содержания в казармы кронверкской куртины, и содержать их в одной как секретных арестантов, никого к ним не допускать, даже не дозвлять караульному офицеру иметь с ними какой-нибудь разговор или сообщение, никому ничего о их содержании, именах и фамилиях не объявлять, никаких вещей или приношений в пользу их не принимать и без разрешения ничего не дозволенного инструкцией им не давать... Караульные офицеры при смене должны проверять арестованных, не перекликая по списку, но счетом, только Вам дозволяется знать их фамилии»²⁹. Те же условия содержания заключенных перечислялись в инструкции- Сорокина караульным офицерам³⁰.

Входить к арестованным можно было только «для уборки или подачи кушанья, не иначе как с караульным унтер-офицером и ефрейтором», Комендант приказал обходиться с этой частью арестантов вежливо, а об их просьбах и поступках немедленно докладывать ему³¹.

Тюремный быт был очень тяжелым. Достаточно красноречиво говорит об этом признание Сорокина петербургскому военному генерал-губернатору П. Н. Игнатьеву, касающееся освещения тюремных помещений. 2 октября комендант просил дополнительных средств на закупку деревянного масла для ламп вместо использовавшегося конопляного. «В покои, где помещаются арестованные,— писал он,— для ночного освещения ставится ночник из конопляного масла, которое в продолжении ночи производит такую копоть, что у арестованных делается чернота в ноздрях, ушах и даже наружно, на лице, белье грязнится в короткое время, комнаты чернеют, воздух в оных заражается и разрушительно действует на здоровье лиц, в оных заключенных, потому что они не выходят из комнат даже и для естественной надобности, имеющейся же форточки для освещения комнаты слишком недостаточно, да и не всегда могут быть таковые раскрыты»³². На питание арестанту недворянского сословия отпускалось в день 7,5 коп., дворянского — 10³³.

Судьбу Николая, Сергея и их товарищей (среди них был и ученик пятой гимназии Н. Васильев, арестованный 26 сентября) решило прежде всего то, что они были гимназистами. Кроме того, на допросе в крепости братья приуменьшили свой возраст. 16-летний Сергей сказал, что

²⁵ АГО, ф. 6, оп. 4, № 3, л. 13 об.

²⁶ ЦГИА, ф. 1406, оп. 59, д. 6631, л. 158 об.

²⁷ Турецкий В. Указ. раб., с. 398.

²⁸ С 26 сентября по 31 декабря 1861 г. в Петропавловскую крепость был заключен 531 человек, арестованный в связи со студенческими волнениями (ЦГИА, ф. 1280, оп. 1, д. 23-7, л. 338—339).

²⁹ Там же, л. 93—94.

³⁰ Там же, л. 95—96.

³¹ Там же, л. 15—15 об.

³² Там же, л. 70—70 об.

³³ Там же, л. 396 об.

ему 15 лет, а 15-летний Николай — 13, что сразу выделило его из всех арестованных «по делу о беспорядках в университете».

3 октября Игнатъев, заинтересовавшийся заключенными в крепость гимназистами, приказал Сорокину: «Сообщить мне завтра, 4-го октября, к 10 часам утра сведения о летах поименованных воспитанников и наружном их виде, то есть находятся ли они еще в детском возрасте или уже имеют возмужалый вид»³⁴. Кандауров немедленно представил Сорокину требуемые данные и отметил, что «возмужалым» выглядит только Николай Карамышев³⁵.

4 октября Игнатъев писал Ф. Я- Волянскому, возглавлявшему «Комиссию для разбирательства степени виновности лиц, арестованных по случаю беспорядков, бывших в СПб. университете»: «Обращая внимание на незрелый еще возраст поименованных воспитанников и дворянина Николая Миклухи, поставляю долгом покорнейше просить в. п. распорядиться, чтобы все они были отнесены к первой категории (арестантов.— Б. К-), и вместе с тем составить заключение, не представляется ли основания освободить их из-под ареста»³⁶.

На следующий день вопрос об освобождении гимназистов был решен, этому предшествовала интенсивная полицейская переписка. «При арестовании студентов и других лиц по случаю беспорядков, бывших в здешнем университете (вследствие поспешности арестования, которой требовали обстоятельства дела), не представлялось возможным собрать юридических фактов к обвинению заарестованных студентов,— писал Игнатъев Волянскому,—посему при недостатке таковых фактов Комиссии для разбирательства степени виновности лиц, взятых под стражу по настоящему делу, не следует придерживаться формам следственного производства. Обязанность Комиссии должна заключаться в том, чтобы по учинении надлежащего разбирательства представить СПб-ому Военному генерал-губернатору свои соображения о вине заарестованных, имея в виду, что их надлежит главнейше разделить на три категории: 1) тех, которые взяты по ошибке, недоразумению или по сходству фамилий и признаны Комиссиею невиновными в означенных беспорядках, к сей категории следует отнести известных из отношения моего № 11264 (от 4 октября 1861 г. на имя Волянского.—Б. К-) воспитанников гимназий и частного пансиона, а равно малолетнего дворянина Николая Миклуху; 2) тех, которые присутствием своим на шумных сходках в Аудитории или на дворе Университета и на улицах доказали свое участие в беспорядках, и 3) тех, которые возмутительными речами или другим способом возбуждали к беспорядкам или оказывали дерзость против городских властей и, следовательно, должны быть признаны зачинщиками в беспорядках»³⁷. Затем Игнатъев в специальном секретном письме сообщил Волянскому, что великий князь Михаил Николаевич (Александр II находился тогда в Ливадии) распорядился сегодня же освободить воспитанников гимназий и «других малолетних арестантов»³⁸ (подразумевался, собственно, только Николай Миклуха).

Гимназисты были тут же вызваны на заседание комиссии, возглавлявшейся Волянским, и дали следующие письменные объяснения: «Второго октября, проходя по надобностям нашим мимо здания университета в то самое время, как полицією забирались студенты, мы были захвачены без всякого с нашей стороны повода к беспорядкам, потому что на сходках студентов никогда не были и в делах их никакого участия не принимали». В числе подписавшихся был и «сын инженер-капитана Николай Миклуха»³⁹. Комиссия пришла к заключению: «По обстоятельствам же дела не имеется в виду оснований предполагать, чтобы они (гимназисты.— Б. К-) участвовали в беспорядках»⁴⁰. Волянский про-

³⁴ Там же, л. 106 об.

³⁵ Там же, л. 107.

³⁶ ЦГИА, ф. 1405, од. 59, д. 6631, л. 165 об.

³⁷ Там же, л. 166—167.

³⁸ Там же, л. 180—180 об.

³⁹ Там же, л. 181 об.

⁴⁰ Там же, л. 182 об.

сил Сорокина распорядиться препроводить гимназистов к обер-полицейстеру генерал-адъютанту А. В. Паткулю, а последнего — принять их⁴¹. В 7 часов вечера 5 октября братья Миклуха и их товарищи были отправлены в ведомство Паткуля и следующую ночь провели там⁴². Об освобождении гимназистов из крепости Сорокин доложил великому князю Михаилу Николаевичу⁴³. Утром 6 октября малолетних арестантов отпустили. «Н[иколай] Щиколаевич», кажется, после этого заболел, во всяком случае, чувствовал себя плохо», — вспоминал его брат Михаил⁴⁴.

При подведении итогов 1861/1862 учебного года у Николая Миклухи было «хорошо» по латинскому и французскому языкам, «удовлетворительно» по русскому и немецкому языкам, естественной истории, географии, истории, физике и «посредственно» по математике⁴⁵.

В следующем году, будучи учеником 6-го класса, Миклухо-Маклай перенес сильное воспаление легких⁴⁶. Гимназию он посещал только в октябре, декабре и марте, пропустил за это время 195 уроков. В результате у него было «хорошо» по французскому языку, «удовлетворительно» по истории, немецкому языку и физике, «посредственно» по русскому, латинскому языкам и естественной истории, а по математике и географии он вообще не аттестовывался. Средний балл равнялся $2\frac{7}{8}$, и Николай был оставлен в 6-м классе⁴⁷. Решив использовать существовавшую в то время возможность без окончания гимназического курса стать вольнослушателем университета, Миклухо-Маклай 15 июня 1863 г. по собственному желанию выбыл из числа учеников гимназии⁴⁸. Таким образом, устоявшееся в литературе мнение о его исключении по политическим мотивам, в частности в связи с упоминавшимся арестом, а формально из-за «малоуспешности», неверно⁴⁹. Вместе с тем возможно, что дальнейшее пребывание Н. Миклухи в гимназии было затруднительным, так как его взгляды могли быть известны гимназическому начальству. Брат Николая Николаевича Михаил вспоминал, что Николай любил «заводить с учителями разговор на политические темы», и это вызывало опасения его товарищей. Например, В. Ф. Суфшинский писал неизвестному адресату, что нельзя быть откровенным, как Миклуха, нельзя так разговаривать с учителями⁵⁰.

Несмотря на болезни, частые пропуски занятий, невысокие отметки, неприятие господствовавшей в гимназии атмосферы, годы, проведенные в ней, отнюдь не были окрашены для Миклухо-Маклая в одни лишь серые тона. Вероятно, именно тогда будущий путешественник начинает испытывать интерес к естествознанию и географии, дисциплинам, которые вели в гимназии люди знающие и увлеченные. «Учитель естественных наук Сент-Илер, — читаем мы в отчете гимназии за 1861 г., — умеет завлекать учеников занимательностью своего изложения, особенно хорош для низших классов тем, что приучает наблюдательности и наглядному изучению предметов, чем много содействует развитию способностей вообще. Учитель географии Кобылин излагает свой предмет весьма занимательно и совершенно доступно возрасту учащихся: следя за успехами науки, которой литература в настоящее время беспрестанно обогащается новыми сочинениями, он сообщает ученикам о всех но-

⁴¹ Там же, л. 183—184 об.

⁴² ЦГИА, ф. 1280, оп. 1, д. 237, л. 136.

⁴³ Там же, л. 119 об.

⁴⁴ АГО, ф. 6, оп. 4, № 3, л. 13 об.

⁴⁵ ЛГИА, ф. 174, оп. 1, д. 2509, л. 27 об.

⁴⁶ Щукинский сборник, с. 204.

⁴⁷ ЛГИА, ф. 174, оп. 1, д. 2572, л. 9 об.

⁴⁸ Там же, д. 2629, л. 16 об.

⁴⁹ Пиотровский А. Николай Николаевич Миклухо-Маклай. 1846—1888. — В кн.: Миклухо-Маклай Н. Н. Путешествия. М.—Л. 1936, с. 9; Минаков А. Указ. раб., с. 17; Шмидт Г. А. Н. Н. Миклухо-Маклай. М.: Госкультпросветиздат, 1947, с. 8; Бутинов Н. А. Н. Н. Миклухо-Маклай (биографический очерк), с. 482; его же. Н. Н. Миклухо-Маклай — великий русский ученый-гуманист, с. 3.

⁵⁰ АГО, ф. 6, оп. 4, № 3, л. 13 об.

вых открытиях»⁵¹. Ученик профессора С. С. Куторги и академика Ф. Ф. Брандта, автор ряда оригинальных трудов и получивших широкую известность учебников по зоологии, Карл Карлович Сент-Илер преподавал во Второй гимназии в 1856—1861 гг., а Матвей Семенович Кобылин — в 1857—1862 гг.⁵² Возможно, признательность, теплые воспоминания об этих учителях побудили Миклухо-Маклая в 1883 г. включить в список адресатов, которым он хотел бы послать отски своих научных сообщений, и библиотеку Второй Петербургской гимназии. Список, составленный 24 января (5 февраля) на борту корабля «Чимбасса», шедшего в Австралию, он отправил брату Михаилу⁵³.

12 сентября 1863 г. Миклухо-Маклай подал прошение о приеме его вольнослушателем на отделение естественных наук физико-математического факультета Петербургского университета⁵⁴. Жил он тогда, как указано в прошении, на Конногвардейском бульваре (теперь Бульвар Профсоюзов), в доме № 15, принадлежавшем Фишеру, в квартире № 8. Имя Николая Миклухи мы находим в составленном, очевидно, во второй половине сентября «Списке посторонним лицам, изъявившим желание слушать лекции гг. профессоров СПб. Университета по физико-математическому факультету»⁵⁵. Список подписали Э. Х. Ленц, П. Л. Чебышев и другие профессора.

17-летний вольнослушатель горячо взялся за учебу, строил первые творческие планы. «Он усердно занялся естественными науками и даже с товарищами намеревался издавать записки», — вспоминал брат Николая Николаевича Михаил⁵⁶. Записная книжка Миклухо-Маклая 1863 г., введенная в научный оборот Н. А. Бутиновым, показывает, как много и вдумчиво он читал. Его увлекли, например, «Рефлексы головного мозга» И. М. Сеченова, «Обновление и превращение в мире растений» А. Н. Бекетова, разочаровали «Естественная история мироздания» К. Фогта и «Курс элементарной общей химии» А. Кагура. Сохранилась относящаяся к тому же времени тетрадь Миклухо-Маклая под заголовком «Записки по лекциям проф. Бекетова (Водоросли)»⁵⁸. Посещал он лекции и в Медико-хирургической академии⁵⁹.

Осенью 1863 г. по настоянию выдающегося ихтиолога-дарвиниста профессора К. Ф. Кесслера на физико-математическом факультете было осуществлено разделение зоологических и анатомо-физиологических дисциплин. Была учреждена кафедра анатомии человека и физиологии животных. Возглавить ее был приглашен профессор Филипп Васильевич Овсянников. 22 января 1864 г., в начале очередного семестра, Миклухо-Маклай подал прошение о выдаче свидетельства на право слушать его лекции⁶⁰.

Выбор был очень удачен. Выпускник Дерптского университета Овсянников привлек к себе внимание глубокими и тщательно аргументированными лекциями в Казанском университете, а в год приглашения его в столицу был избран экстраординарным членом Петербургской Академии наук. С приходом ученого в Петербургский университет там впервые началось преподавание физиологии, протекавшее, по отзыву

и ЛГИА, ф. 174, оп. 1, д. 2531, л. 11.

⁵² Историческая записка 75-летия С.-Петербургской второй гимназии. Часть вторая (1831—1880). По поручению педагогического совета гимназии составили преподаватели А. В. Курганович и А. О. Круглый. СПб., 1894, с. 330, 358; Карл Карлович Сент-Илер. — В кн.: *Богданов А.* Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии. Т. III. М., 1891, л. 14.

⁵³ *Миклухо-Маклай Н. И.* Собр. соч. Т. IV. М., —Л., 1953, с. 237.

⁵⁴ ЛГИА, ф. 14, оп. 3, д. 16243, л. 65.

⁵⁵ Там же, л. 5.

⁵⁶ АГО, ф. 6, оп. 4, № 3, л. 13 об.

⁵⁷ *Бутиков Н. А.* Н. Н. Миклухо-Маклай (биографический очерк), с. 483.

⁵⁸ Ленинградское отделение Архива АН СССР, ф. 143, оп. 1, № 1. В 1861 г. А. Н. Бекетов читал лекции по естествознанию для учеников второй гимназии (ЛГИА, ф. 174, оп. 1, д. 2531, л. 13). Возможно, Н. Н. Миклухо-Маклай уже тогда был среди его слушателей.

⁵⁹ Шукинский сборник, с. 204.

⁶⁰ ЛГИА, ф. 14, оп. 3, д. 16238, л. 188.

академика А. А. Ухтомского, «с большим успехом и даже блеском»⁶¹. При содействии Кесслера Овсянников создал физиологическую лабораторию, превратил гистологию в учебную дисциплину. «Я первый ввел в русских университетах, сперва в Казанском, потом в Петербургском, демонстрации микроскопических препаратов и физиологические опыты на лекциях, а также практические занятия по изучению тонкого строения животных тканей и органов», — вспоминал о том времени ученый. Позднее, в первой половине 70-х годов, его лекции слушал И. П. Павлов. После смерти Овсянникова в 1907 г. в созданной им лаборатории выдающийся физиолог проводил свои экспериментальные исследования. Между тем вольнослушателю Миклухе учиться у Овсянникова не довелось. 15 февраля 1864 г. он был лишен возможности посещать университет.

Вопрос об исключении Миклухо-Маклая из университета освещен в литературе неполно и весьма противоречиво. Частично в этом «повинен» сам путешественник. В «Краткой автобиографической справке», датированной 26 сентября 1869 г., он писал, что выехал за границу в 1863 г., а в автобиографии, составленной по просьбе А. Богданова незадолго до смерти, указал, что пробыл в университете «до февраля 1863 г., будучи исключен из последнего без права поступления в русские университеты»⁶². Неточности в датах объяснимы. Автобиографическая справка была написана для Ф. Ф. Брандта, который в октябре 1869 г. представил Миклухо-Маклая Русскому географическому обществу. Путешественник ждал от Общества поддержки своих научных планов и, естественно, не указал на факт исключения из университета, заменив его другим — отъездом за границу. Соответственно можно предположить, что время отъезда было намеренно отнесено к 1863 г. Неточность во втором документе (в нем есть немало и других неточностей), очевидно, результат •описки (опечатки), так как месяц исключения назван верно.

Неточно и то, что Миклухо-Маклай был лишен права поступать в другие университеты России. «Исключение с воспрещением вступать в какой-либо из университетов» являлось мерой наказания студентов, причем самой суровой⁶³. Решение о ее применении выносил университетский суд, а затем по представлению совета университета утверждал попечитель учебного округа⁶⁴. Сведения о подобном приговоре обязательно фигурировали в протоколах суда и дважды в протоколах заседаний совета: первый раз — когда приговор отправляли попечителю, второй — когда получали его решение. Никаких упоминаний о Николае Миклухе в протоколах заседаний университетского суда и совета нет, да и быть не может, так как он был вольнослушателем, а не студентом. В отношении вольнослушателей университетскими властями могла быть применена только одна санкция — не сопровождавшийся особой бюрократической процедурой запрет на вход в университет. «Посторонним лицам, — указано в § 101 „Общего устава российских университетов 1863 г.“, — за нарушение Университетских правил может быть воспрещен, по распоряжению проректора или инспектора, дальнейший вход в Университет»⁶⁵. При этом в Петербургском университете не требовалось вмешательство проректора, решение вопроса об отстранении от занятий вольнослушателя целиком находилось в компетенции инспектора, который вплоть до августа 1864 г., когда была введена дисциплинарная «шнуровая книга», мог подробно не мотивировать свое решение в ка-

⁶¹ Кузьмин М. К. Академик Ф. В. Овсянников (к истории невризма в России). М., Медгиз, 1963, с. 22.

⁶² Там же, с. 23.

⁶³ Миклухо-Маклай И. Н. Собр. соч. Т. IV. М. — Л., 1953, с. 3, 381; Николай Николаевич Миклухо-Маклай. — В кн.: Богданов А. Указ. раб. Т. II. М., 1889, л. 34.

⁶⁴ Правила для студентов С.-Петербургского университета (утверждены 27 сентября 1863 г.). — ЛГИА, ф. 139, оп. 1, д. 6205, л. 59 об.

⁶⁵ Правила о порядке делопроизводства в университетском суде (утверждены 27 сентября 1863 г.). — Там же, л. 70 об.

⁶⁶ Сравнительная таблица уставов университетов 1884, 1863, 1835 и 1804 гг. СПб, 1901, стб. 1S6.

ком-либо документе⁶⁷. Русские дореволюционные авторы, касавшиеся вопроса о запрещении будущему путешественнику посещать университет, повторяли упомянутые выше неточности⁶⁸.

Первые серьезные попытки восстановить события тех лет предпринял Д. Н. Анучин. Он получил из университетского архива справку о вольнослушателе Миклухе, установил точное время его принятия и отстранения от занятий, а также высказал сомнение в том, что будущий путешественник был лишен права поступать в другие российские университеты⁶⁹. Тем не менее ошибочное представление прочно вошло и в научную, и в научно-популярную литературу. Об этом говорят работы А. Г. Грум-Гржимайло, Н. А. Бутинова, Б. А. Вальской, Г. А. Шмидта, М. С. Колесникова и других авторов. Однако в определении причин изгнания Н. Миклухи из университета такого единодушия нет. Грум-Гржимайло связывал его с заключением Миклухо-Алакля в Петропавловскую крепость, Бутинов — с участием в студенческих сходках 1863—1864 гг.; Вальская в 1859 г. придерживалась точки зрения второго, а в 1970 г. — первого; Шмидт объяснял случившееся тем, что Миклухо-Маклай был связан с народовольцем Н. Е. Сухановым, однако не принял во внимание, что последний начал заниматься революционной деятельностью только в 1871—1872 гг., а членом «Народной воли» стал в 1879 г.⁷⁰

Семейное предание об изгнании Николая Николаевича из университета изложено в воспоминаниях приемного сына Е. С. Миклуха М. Н. Миклухо-Маклая. «Причиной его увольнения из университета, — говорится в упомянутой, рукописи, — послужило то, что он привел на сходку своего приятеля не студента. Когда они уходили, то педель (надзиратель за студентами. — Б. К-) отказался выдать пальто приятелю, желая его задержать; но Н[иколай] Николаевич так на него крикнул, что тот немедленно выдал пальто и сейчас же донес о поступке Н[иколая] Николаевича по начальству. Этим, конечно, воспользовались и исключили из университета»⁷¹. Разыскания в фонде Третьего отделения е. и. в. канцелярии во многом подтвердили упомянутые сведения. «Вольнослушателю Миклухе, — доносил анонимный агент 26 февраля 1864 г., — воспрещено посещать лекции за то, что он наговорил Инспектору и Секретарю Правления дерзости по поводу желания его провести в Аудиторию, для слушания лекции постороннее лицо»⁷².

Если подставить в оба приведенных выше текста имена и фамилии реальных лиц, то получится следующее. Миклухо-Маклай с «посторонним лицом» был остановлен, очевидно, одним из «служителей при шпильной комнате» — отставным солдатом Адамом Карраском или Другим, по имени Осип, а затем выразил свое возмущение инспектору студентов Н. В. Озерецкому и секретарю правления А. Е. Савинскому. 15 февраля 1864 г. Озерецкий писал петербургскому обер-полицмейстеру генерал-лейтенанту И. В. Анненкову: «Дворянин Николай Миклуха, состоя в числе вольнослушателей Спб. университета, неоднократно нарушал во время нахождения в здании университета правила, установленные для этих лиц. Вследствие чего, — продолжал он, — воспретить

⁶⁷ ЛГИА, ф. 139, ои. 1, д. 6205, л. 65 об.; ф. 14, оп. 1, д. 6148.

⁶⁸ См.: Природа и люди, 1894, № 38, с. 598; Естествознание и география, 1898, № 5, с. 55; Нива, 1913, № 16, с. 317.

⁶⁹ Анучин Д. Н. Н. Н. Миклухо-Маклай, его жизнь и путешествия, с. 23—24.

⁷⁰ Грум-Гржимайло А. Г. Указ. раб., с. 158; Бутинов Н. А. Н. Н. Миклухо-Маклай (биографический очерк), с. 483; его же. Н. Н. Миклухо-Маклай — великий русский ученый-гуманист, с. 4; Вальская Б. А. Борьба Н. Н. Миклухо-Маклая за права папуасов Берега Маклая. — В кн.: Страны и народы Востока. В. II. М., 1959, с. 130; ее же. Проект Н. Н. Миклухо-Маклая..., с. 36; Шмидт Г. А. Указ. раб., с. 8; Колесников М. С. Миклухо-Маклай. М.: Молодая гвардия, 1965, с. 5—7.

С Н. Е. Сухановым был дружен брат Николая Николаевича Владимир Николаевич (1853—1905). — АГО, ф. 6, оп. 4, № 3, л. 4.

⁷¹ АГО, ф. 6, оп. 4, № 3, л. 7. А. Минаков изложил этот эпизод неточно. См. Минаков А. Указ. раб., с. 17.

⁷² Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (далее — ЦГАОР), ф. 109, оп. 1, ед. хр. 1494, л. 4.

г. Миклухе, на основании § IUI общего устава российских университетов дальнейший вход в университет. Я честь имею покорнейше просить в. п. препровождаемые при сем документы означенного молодого человека, а именно: метрическое свидетельство за № 599, копию с протокола о дворянстве и свидетельство о привитии оспы выдать ему и при этом взять с него подписку в том, чтобы он не являлся более в университет к слушанию лекций, которую не преминете выслать ко мне»⁷³.

То, что отношение Озерецкого датировано 15 февраля далеко не случайно. За день до этого в университете начались первые со времени знаменательных событий осени 1861 г. студенческие волнения. По уставу 1863 г. студенты были лишены права на сходки, собрания, депутации, подачу адресов и групповых прошений, не могли вывешивать какие-либо объявления, организовывать свои общества, кассы взаимопомощи, библиотеки. Кроме Озерецкого за ними постоянно наблюдали его помощники Ф. К.- Шмидт и Н. М. Пальмин. Последний вызывал особую ненависть.

14 февраля вольнослушатель естественного отделения физико-математического факультета Н. А. Карамышев (однофамилец упоминавшегося выше) публично обвинил студента юридического факультета Н. Д. Новопашенного «в шпионстве во время бывших университетских беспорядков». Началась сходка, которая, то затухая, то разгораясь, продолжалась несколько часов. Студенты, не обращая внимания на требования Озерецкого разойтись, настаивали на объяснении Новопашенного, а он путанно оправдывался. Сходка прекратилась лишь после вмешательства декана физико-математического факультета А. А. Воскресенского. Озерецкий взял у Новопашенного и Карамышева расписки в том, что завтра они явятся в правление университета.

Обвинения в адрес Новопашенного имели основания. В донесении анонимного осведомителя в Третье отделение от 15 февраля указывалось, что он действительно использовался в качестве агента во время студенческих волнений 1861 г. «сперва графом Шуваловым (имеется в виду петербургский обер-полицмейстер генерал-майор П. А. Шувалов. — Б. К-), а потом Генерал Адьютантом Паткулем, но первый из них удалил его по неблагонадежности». Упоминалось и о том, что в конце 1861 г. Новопашенный фигурировал в ходившем по рукам списке студентов, подозревавшихся «в шпионстве», но теперь полицией не используется⁷⁵.

В субботу 15 февраля волнения вспыхнули с новой силой. Студент историко-филологического факультета Н. Долгов и студент физико-математического факультета В. Лунин, как доносил Озерецкий, «при множестве студентов, собравшихся в кружок, впереди других громко кричали: „Вон Пальмина [!]“»⁷⁶. «Вон Пальмина!» — обращаясь к инспектору, требовал студент юридического факультета Н. Юренев⁷⁷. Вот в этот-то день, очевидно, и провел или пытался провести в университет «постороннее лицо» Миклухо-Маклай. Судя по обстановке в университете, следует, на наш взгляд, скорее согласиться с семейным преданием, чем с донесением полицейского агента: вольнослушатель Миклуха спешил не на лекцию, а на сходку⁷⁸. Согласно «Правилам для посторонних слушателей лекций в С.-Петербургском университете» Миклухо-Маклай

⁷³ ЛГИА, ф. 14, оп. 3, д. 16243, л. 66^в67.

⁷⁴ Там же, оп. 25, д. 20, л. 4. См. Материалы по истории Ленинградского университета, 1819—1917. Обзор архивных документов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1961, с. 89.

⁷⁵ ЦГАОР, ф. 109, оп. 1, ед. хр. 1494, л. 2—2 об.

⁷⁶ ЛГИА, ф. 14, оп. 26, д. 20, л. 18 об.

⁷⁷ Там же, л. 19.

⁷⁸ Это не единственная неточность, допущенная анонимным агентом. Он писал, например, что список студентов-осведомителей, в котором значился Новопашенный, был опубликован в «Колоколе», а также, что Карамышев был предан университетскому суду и по его приговору исключен (ЦГАОР, ф. 109, оп. 1, ед. хр. 1494, л. 2 об., 4). Между тем никаких упоминаний о Новопашенном в «Колоколе» нет, так же как нет и упоминаний о Карамышеве (ведь он был вольнослушателем!) в протоколах университетского суда. Нет сведений и о том, что последнему было запрещено посещать лекции. Университетские власти, вероятно, не хотели возбуждать этим новые брожения в среде студентов.

мог жаловаться на Озерецкого правлению университета⁷⁹, но после столкновения с его секретарем Савинским этот путь был фактически закрыт⁸⁰.

Изгнание Миклухи из университета вызвало возмущение студентов и усилило их выступления. «В прошедших числах 14, 15, 17 и 18 февраля месяца сего года в здании университета происходили между студентами волнения по поводу, поданному делами бывшего студента Новопащенного и вольнослушателей Карамышева и Миклухи,— писал Озерецкий ректору 23 февраля.— Эти волнения с большим трудом приостановлены были моими неоднократными напоминаниями, а также и замечаниями в. п. и г. профессора (вероятно, А. А. Вознесенского.— Б. К.)— Во время помянутых волнений постоянно замечаемы были мной и моими помощниками одни и те же студенты, которые как бы руководили прочими молодыми людьми. Это я заключаю из того, что большая часть из них обращались ко мне с неуместными вопросами»⁸¹. К последним Озерецкий причислял, в частности, и вопросы о Миклухе. Инспектор доносил университетским властям, что студент-естественник А. Никольский постоянно расспрашивал его «о деле Миклухи», а студент того же отделения Д. Дурново «между собравшимися студентами защищал дело бывшего вольнослушателя Миклухи»⁸². «Это действительно было,— писал Александр Никольский, когда от него потребовали объяснений,— и сделано мной потому, что я лично знаком с г. Миклуха и, следовательно, меня это интересовало»⁸³.

Исключение 18 февраля Новопащенного за то, что он собрал большую группу студентов, обратился к ним с речью и допустил «ослушание установленной власти»⁸⁴ не прекратило волнений. Студенты, по выражению осведомителя, «начали группироваться в Университете», требовали, чтобы суд был передан в их ведение и от участия в нем уstraнен «помощник инспектора (имеется в виду Н. М. Пальмин.— Б. /С)»⁸⁵. В субботу 22 февраля Карраск задержал в шинельной студента А. Евдокимова, который положил на подоконник объявление о сходке, назначенной на понедельник 24 февраля. Заметили, что такие объявления распространял и студент Н. Макаров⁸⁶. Полицейский агент сообщал, что они были расклеены «на разных углах университетского здания». «Университетское начальство,— читаем мы в том же донесении от 26 февраля,— предупредило эту сходку и с своей стороны выставило объявление, в котором, взывая к благородству студентов, высказало, что составители призыва на сходку суть, без сомнения, несколько беспокойных голов, которые хотят только мешать занятиям»⁸⁷. Затем «беспокойные головы» подверглись репрессиям. 29 февраля по решению университетского суда были исключены окончательно или на один год Н. Макаров, А. Евдокимов, В. Лунин, А. Никольский, Н. Юренев и Н. Долгов⁸⁸.

Между тем брожение среди студентов продолжалось. В марте 1864 г. полицейский осведомитель доносил, что студенты собираются на част-

⁷⁹ ЛГИА, ф. 139, оп. 1, д. 6205, л. 65 об.

⁸⁰ Французский биограф Н. Н. Миклухо-Маклая Г. Меню, не знавший всех этих подробностей, писал в 1882 г., что тот «был несправедливо обвинен в участии в университетских волнениях (букв. несправедливо замешан.— Б. К.), которым правительство придало политический характер, и пренебрег возможностью оправдаться». См. *Monod G. La Nouvelle-Guinée. Les voyages de M. de Mikluho-Maclay.*— *La Nouvelle Revue*, 1882, t. XIX, p. 227. В русском издании статьи Г. Моно перевод этой фразы дан неточно и неполностью: «Он был замешан в одну из университетских историй» (Век, 1883, март, отд. V, с. 101).

⁸¹ ЛГИА, ф. 14, оп. 25, д. 20, л. 17.

⁸² Там же, л. 18—18 об.

⁸³ Там же, л. 21.

⁸⁴ Там же, д. 12, л. 1—1 об.

⁸⁵ ЦГАОР, ф. 109, оп. 1, ед. хр. 1494, л. 4.

⁸⁶ ЛГИА, ф. 14, оп. 25, д. 20, л. 12, 18—18 об.

⁸⁷ ЦГАОР, ф. 109, оп. 1, ед. хр. 1494, л. 4 об.

⁸⁸ ЛГИА, ф. 14, оп. 25, д. 12, л. 1 об.— 3.

ных квартирах, обсуждают недавнее исключение своих товарищей и требования, которые будут предъявлены университетским властям⁸⁹.

Всю вторую половину февраля Миклухо-Маклай был болен. «Будучи исключен из университета, брат Н[иколай] Николаевич перенес сильный плеврит», — вспоминал Михаил⁹⁰. 3 марта бывший вольнослушатель Миклуха пришел в местное управление полиции, получил свои документы и дал подписку в том, что «обязуется более в университет для слушания лекций не являться»⁹¹.

Едва оправившись от болезни, Миклухо-Маклай начал хлопотать о разрешении выехать за границу, где намеревался продолжить образование. «С большим трудом, после осмотра комиссией из нескольких врачей он получил разрешение выехать в Германию», — писал брат Николая Николаевича Михаил⁹². В марте 1864 г.⁹³ Миклухо-Маклай отправился в Гейдельберг.

⁸⁹ ЦГАОР, ф. 109, оп. I, ед. хр. 1495, л. 1—2.

⁹⁰ АГО, ф. 6, оп. 4, № 3, л. 14.

⁹¹ ЛГИА, ф. 14, оп. 3, д. 16243, л. 69.

⁹² АГО, ф. 6, оп. 4, № 3, л. 14.

⁹³ «Вот уже 6 месяцев, как я из Питера, полгода!» — писал Николай Николаевич матери 12 сентября 1864 г. из Фрейбурга. — Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч. Т. IV, с. 12.